
«ПРОСВЕЩЕННЫЕ БЮРОКРАТЫ» — НОВЫЙ ТИП РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ: ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ

И.В. Ружицкая

Центр «История России в XIX веке»
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье дана развернутая характеристика кадров, ставших авторами и проводниками великих реформ 1860-х гг. Автор работы подчеркнул, что модернизация страны была бы невозможна без «просвещенных («либеральных») бюрократов», среди которых М.М. Сперанский, Е.Ф. Канкрин, П.Д. Киселев, Д.Н. Блудов и другие. Мироззрение нового поколения рациональных бюрократов сформировалось под влиянием идеологии французского Просвещения, учений французских либералов времен Реставрации, русской литературы. И.В. Ружицкая выделила существенные черты новых чиновников, ратовавших за проведение реформ при условии их поддержки самодержавием.

Ключевым моментом отечественной истории XIX в. стали реформы 1860-х гг., в результате которых Россия вступила на путь модернизации (1). Отечественная и заграничная историография добилась немалых успехов в изучении непосредственной подготовки и проведения Великих реформ. Однако проблема подготовки кадров для них до последнего времени практически не разрабатывалась (2). Между тем преобразования стали возможны благодаря многократным усилиям высшей администрации предшествующего времени, направленным на всеобъемлющую реорганизацию государственного механизма. В ходе этих усилий рождалась концепция реформ, разрабатывались пути перехода от одного качественного состояния в другое, выявлялись и воспитывались люди, чьи убеждения, знания и практический опыт составили тот человеческий потенциал, который был использован властью в процессе подготовки и проведения реформ 1860-х гг.

К концу правления Николая I (1825—1855) в России существовал уже целый слой государственных деятелей, лучше других подготовленных к участию в переустройстве общества. Они представляли собой новый тип российских чиновников, которых обычно называют «просвещенными», или «либеральными», бюрократами.

Термин «либеральная бюрократия» получил распространение в советской исторической литературе 1960—1970-х гг. В современной западной историографии бытует понятие *enlightened bureaucrats* — «просвещенные бюрократы», подчеркивающее отличие российских чиновников-реформаторов от европейских либералов XIX в. (3). Оба термина, по мнению некоторых ученых, являются условными и нуждаются в дальнейшем уточнении (4). На мой взгляд, «просвещенная бюрократия» — термин более удачный, чем бюрократия либеральная, поскольку основой мироззрения всех представителей этой группы чиновничества была идеология французского Просвещения, его постулаты определили особенности их поведения и деятельности.

Существует несколько определений «просвещенной», или «либеральной», бюрократии, наиболее приемлемым представляется следующее: слой прогрессивно мыслящих, интеллигентных людей, объединенных общностью взглядов на задачи предстоящих преобразований и методы их исполнения, которые не были отгорожены от общественных сил страны, формируясь в содружестве с либеральными общественными деятелями, литераторами, учеными (5). Ряд историков относят к «просвещенным бюрократам», прежде всего, молодых государственных деятелей, группировавшихся вокруг великого князя Константина Николаевича и ставших активными участниками преобразований 1860-х гг. (Н. и Д. Милютины, А.В. Головнин и др.). Однако была и другая группа деятелей реформ: крупные сановники николаевского царствования, к середине 50-х гг. XIX в. занимавшие достаточно высокие посты, чтобы иметь возможность оказывать существенное влияние на государственные дела (П.Д. Киселев, Д.Н. Блудов, И.А. Лёвшин и др.) (6).

Есть точка зрения, которая «разводит» понятия «просвещенная» и «либеральная» бюрократия: к представителям последней ее сторонники относят непосредственных участников реформ из окружения великого князя Константина Николаевича; «просвещенные бюрократы», по их мнению, — это их предшественники и единомышленники в правительственном аппарате первой половины XIX в. (7). Автор настоящей статьи полагает, что и те, и другие могут быть названы «просвещенными», или «либеральными», бюрократами.

Становление этого типа чиновников началось с начала XIX в., что было обусловлено усложнением системы управления, прежде всего образованием министерств, и связанными с этим усилиями власти по подготовке новой, более образованной генерации чиновников. У истоков этого явления стоит М.М. Сперанский.

Некоторые исследователи историю «просвещенных бюрократов» начинают с Негласного комитета (8). Однако, хотя его члены (9) и исповедовали идеи Просвещения, им не хватало административной «школы», масштабности в делах управления. Пожалуй, только В.П. Кочубей времени правления Николая I может рассматриваться как один из представителей нового типа чиновников.

Зато М.М. Сперанский, несомненно, принадлежал к новому типу административных деятелей, и сам был создателем этого типа. Он мечтал вывести Россию на передовые рубежи европейской жизни. Он предполагал осуществить масштабные преобразования в большом объеме и в достаточно сжатые сроки, его замыслы охватывали целые пласты государственной жизни и *в корне* должны были изменить «лицо» управления. В этом его коренное отличие от идущих за ним преобразователей, предлагавших постепенную реорганизацию строя общественной жизни по частям. При Николае I Сперанский внес решающий вклад в становление Второго отделения СЕИВК. С деятельностью Отделения связана систематизация российских законов и все законодательные работы второй четверти XIX в., ставшие правовой базой реформ.

Другой сановный реформатор — Е.Ф. Канкрин — был сторонником коренных перемен, проведенных постепенно, с обязательным переходным периодом, иногда весьма длительным. Так, его план ликвидации крепостного права был

рассчитан на 50 лет. С его именем связаны начало преобразований в государственной деревне, финансовая реформа и т.п. (10). Современники видели в Канкрине, наряду со Сперанским, «гениев» русской администрации.

«Просвещенные» («либеральные») бюрократы, или представители правительственного реформизма, имеют ряд черт, отличающих их от других представителей чиновничества.

В мировой историографии последнего десятилетия обрели «вторую жизнь» идеи немецкого социолога первой половины XX в. Н. Элиаса, введшего понятие *придворного общества*, которым он определял преобладающий в XVI—XVIII вв. в европейских государствах тип управления (11). Исходя из его концепции и учения Макса Вебера о трех типах власти — *традиционного, харизматического и рационального* — историки приходят к заключению, что в России первой половины XIX в. традиционный тип власти постепенно трансформируется в рациональный, проявлением этого процесса (по Веберу) явилась бюрократизация управления. На смену власти, освященной традицией и религиозными нормами, приходит власть, опирающаяся на систему общих правил и норм, установленных с известной «разумной» целью. Носителем этой «разумности» (т.е. рациональных начал) и являлась бюрократия, представители которой как «профессионалы обладают знаниями, приобретенными через формальное обучение ... твердо придерживаются стандартов поведения, закрепленных процессом социализации с опорой на службу» (12). Именно в «просвещенной бюрократии» некоторые исследователи видят носителя *принципов рационального управления*; эти принципы ее представители «старались внедрить в отечественную действительность, отказываясь от традиций „придворного общества“». В этом усматривают одну из особенностей правительственных либералов России первой половины XIX в. (13).

Другой отличительной чертой чиновников нового типа было то, что основу их мировоззрения составили идеи французского Просвещения: народное благосостояние — высшая цель государственной жизни; гражданская свобода составляет основу народного благосостояния, она — неотъемлемое прирожденное право человеческой личности; сущность гражданской свободы заключается в хозяйственной и правовой независимости, обеспеченной государственными законами. На основе этих положений делались следующие выводы: на Западе гражданская свобода установлена и охраняется законом, в России ее еще предстоит установить, прежде всего, наделив гражданскими правами крепостных крестьян. Французская революция показала, насколько страшны могут быть последствия непредусмотрительности власти, которая не сообразуется с «духом времени». Поэтому вернуть крестьянам их прирожденные или естественные права может только правительство. Таким образом, чиновникам-реформаторам была присуща рационалистическая концепция, заключающая в себе особенности просветительской идеологии: отрицание действующего порядка с точки зрения человеческого разума, учение о неотчуждаемых правах личности, понятие о законе как гарантии гражданской свободы (14).

Из того же идейного источника — и другие мировоззренческие и поведенческие установки: осознание необходимости строго придерживаться, особенно

в служебной деятельности, законных форм, стремление к «общей пользе». Несмотря на сильно развитое честолюбие, представители сановного либерализма руководствовались искренней любовью к отечеству, поэтому свою служебную деятельность рассматривали не только в свете личной карьеры, но и как возможность содействовать общественному благу, причем карьерный рост представлялся средством расширить поле деятельности (15).

Позднейшие идеологические воздействия попадали на «удобренную» просветительскими учениями почву. Так случилось с учением французских либералов времен Реставрации (16), которое своеобразно синтезировалось у молодых русских дворян с взглядами, сложившимися в детские и юношеские годы: «восприятие произведений Б. Констана и мадам де Сталь накладывалось на прочный культурный фундамент, заложенный детским чтением произведений Руссо, Монтескье, Вольтера» (17). Однако практическое воплощение либеральных идей было актуально для Франции, где многие постулаты Просвещения были «опробованы» на практике и где уже были провозглашены «свобода, равенство и братство», но не в России, где было рано говорить об индивидуальной свободе, пока большая часть населения оставалась в «рабстве диком».

Источником общественного блага и личного благосостояния, с точки зрения дворянства первой половины XIX в., являлся император — только он мог стать инициатором каких бы то ни было перемен в общественном механизме. В необходимости усовершенствования существующей системы чиновники, о которых идет речь, были абсолютно уверены. Они осознавали, что, если ничего не предпринять, то Россия все больше будет отставать от процесса модернизации, охватившего Европу. От помазанника Божьего они ждали санкции на преобразование российской жизни (18).

В данном случае речь идет о *гувернаменталистской* составляющей мировоззрения той группы высших администраторов первой половины XIX в., которых называют «просвещенными бюрократами». Имеется в виду *признание самодержавного государства главным субъектом и инструментом преобразования страны*. С другой стороны, реформаторские планы и усилия правящей элиты Российской империи необходимо рассматривать как отечественную разновидность *европейского легитимизма*, под которым понимается общественно-политическое течение, которое стремилось сочетать постепенное реформирование общества с сохранением абсолютной монархии и социального господства дворянства (19).

Представители нового для России типа сановника нередко выделялись литературным талантом. Это связано с той ролью, которую играла литература в жизни русского общества на протяжении всего XIX в. «Литература, журналистика оказывались и лабораторией, и трибуной, генерирующими идеи и внедряющими их в общественное сознание» (20). Литературное творчество занимало в жизни столичной дворянской молодежи начала столетия не меньше места, чем административная деятельность. «Наиболее крупными представителями нового типа дворянина — гражданского чиновника» в начале столетия были «молодые бюрократы, основавшие литературное общество „Арзамас“». Последние стали «носителями новой бюрократической ментальности», с годами все

больше определявшей лицо столичного чиновничества (21) (Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, С.С. Уваров) (22).

Характерной чертой, присущей «просвещенным бюрократам», была и потребность в интеллектуальной деятельности. Словосочетание «чиновник-интеллектуал» или «бюрократ-интеллигент» зачастую вызывает протест: это связано с господствующим в российском обществе уже более столетия стереотипом «интеллигентного человека», определяемого не только по уровню полученного им образования, но и по нравственным установкам и даже манере поведения. Между тем, если интеллигенция — это «социальная группа, состоящая из людей, профессионально занятых умственным трудом» (к которым принадлежит и «большая часть служащих»), то этих администраторов, всю жизнь занимавшихся именно таким трудом, следует отнести к данной группе населения. Ее представители — это те, кого позже Г.Г. Шпет назовет «правительственной интеллигенцией».

Для большинства чиновников нового типа было характерно уважительное и внимательное отношение к подчиненным, отсутствие формализма. Они умели работать с людьми, не подавлять их своим авторитетом, для пользы дела зачастую жертвовать личными амбициями. Так, М.А. Корф (23), по словам одного из сослуживцев, был начальником, который «позволял своим подчиненным думать и даже высказывать то, что они думали»; для того времени подобное поведение было «редким исключением». П.Д. Киселева отличала «большая способность привязывать к себе людей, и особенно подчиненных», с которыми он «был взыскателен, но очень вежлив в обращении», «с младшими вел себя ласково и снисходительно» (24).

Таким образом, если раньше в отечественной администрации действовали *отдельные* представители либерального сановничества, то в 1830—1840-е гг. сформировался *целый слой* чиновников высшего эшелона власти, понимающих и принимающих необходимость перемен и готовых их осуществить. По ряду признаков они существенно отличались от остальной массы чиновничества. Не все из них смогли реализовать свой преобразовательный потенциал в силу различных причин, тем не менее, таковых среди министров Николая I было не так уж мало: Д.В. Дашков, Д.Н. Блудов, С.С. Уваров, Л.А. Перовский, Д.Г. Бибииков. К этой же генерации относился и инициатор начала подготовки крестьянской реформы, товарищ министра внутренних дел при Александре II А.И. Лёвшин, и могущественный наместник Кавказа и Новороссии М.С. Воронцов (25).

Представители российского правительственного реформизма первой половины XIX в. — государственные деятели *нового типа*, тесно связанные не только с государственной политикой, но и с общественными силами. Их жизненная позиция может рассматриваться как проявление менталитета определенной группы высокопоставленных деятелей, которые в условиях царствования императора Николая I пытались реализовать политическую программу, направленную на приспособление существующего в России общественно-экономического уклада к новым условиям общеевропейского «бытия». Изучение таких «попыток» (26) позволяет выявить тип политического мышления целого слоя умеренных реформаторов, сочетавших в своем мировоззрении преобразовательные

тенденции и консервативные элементы (сами они называли себя деятелями «либерально-консервативного направления») (27). Консерватизм чиновников-прогрессистов выразался, прежде всего, в безоговорочной поддержке самодержавия (28).

Таким образом, «просвещенные», или «либеральные», бюрократы — это крупные сановники николаевского царствования, к середине 50-х гг. XIX в. занимавшие достаточно высокие посты, чтобы иметь возможность оказывать существенное влияние на государственные дела (29), и молодые либеральные деятели, группировавшиеся вокруг великого князя Константина Николаевича. И те, и другие активно включились в осуществление программы буржуазного переустройства страны в первой половине 1860-х гг., во многом предопределив форму и характер реформ.

Исследование генезиса такого явления, как «просвещенная» бюрократия, — составная часть проблемы реформ 1860-х гг., их предпосылок, движущих сил, итогов. И не только. Причины появления реформаторов, каким образом их личные качества, система взглядов, тип поведения влияют на конечные результаты реформаторских усилий власти, — вот вопросы, которые будут актуальны всегда в этом постоянно меняющемся мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В данном случае модернизация — это процесс эволюции российского общества от одного качественного состояния (традиционное общество) к другому (индустриальное общество). О различных толкованиях термина «модернизация» и его применении к отечественной истории XVIII—XX вв. см.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). — СПб., 1999. — Т. 2. — С. 284—358; *Критический анализ буржуазных теорий модернизации.* — М., 1985.
- (2) Первым (и единственным пока) комплексным исследованием взглядов и деятельности «просвещенной бюрократии» первой половины XIX в. в контексте модернизации Российской империи следует признать докторскую диссертацию П.В. Акульшина. Большим достоинством работы является разработанность научно-методологического и понятийного аппарата, ее отличает новизна подходов по ряду проблем (*Акульшин П.В.* Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2004).
- (3) См.: *Lincoln W.B.* In the vanguard of reform: Russia's Enlightened Bureaucrats 1825—1861. — Illinois, 1982; *Wortman R.S.* The development of a Russian legal consciousness. — Chicago, 1976; *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. — М., 1984.
- (4) См. напр.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. — 1989. — № 10. — С. 3—24.
- (5) *Захарова Л.Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. — 1989. — № 10. — С. 7.
- (6) *Киселев П.Д.* — министр государственных имуществ (1837—1856). С его именем связаны основные мероприятия правительства Николая I по крестьянскому вопросу: реформа государственной деревни, указ об обязанных крестьянах, инвентаризация помещичьей деревни в западных областях т.п. *Д.Н. Блудов* — товарищ министра народного просвещения (1826—1832), министр внутренних дел (1832—1839), министр юстиции (1839), главноуправляющий Вторым отделением (1839—1861 гг.), занимался преобразованиями законодательства. К 1857 г. под его руководством был подготовлен проект судебной ре-

- формы, вопрос о влиянии которого на судебные уставы 1864 г. остается открытым. А.И. Лёвшин — товарищ министра внутренних дел (1855—1859). О нем см. ниже.
- (7) *Акульшин П.В.* Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2004. — С. 24.
 - (8) См.: *Ковалевский Е.П.* Граф Д.Н. Блудов и его время. — СПб., 1866; *Тарасов Е.И.* Декабрист Н.И. Тургенев в Александровскую эпоху. — Самара, 1923; *Акульшин П.В.* Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2004. — С. 24.
 - (9) В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, П.Г. Строганов и А.А. Чарторыйский.
 - (10) Канкрин Е.Ф. — министр финансов (1823—1844).
 - (11) *Элиас Н.* Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. — М., 2002. — С. 10.
 - (12) *Балзер Х.Д.* Интеллигентные профессии и интеллигенты-профессионалы // Из истории русской интеллигенции. — СПб., 2003. — С. 202.
 - (13) См.: *Акульшин П.В.* Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2004. — С. 13—14. Некоторые требования рационального управления, по мнению этого автора, впервые были сформулированы В.П. Кочубеем в период его пребывания на посту министра внутренних дел в 1802—1807 гг.
 - (14) См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. — М.-Л., 1946. — Т. 1. — С. 264.
 - (15) Д.В. Давыдов писал Киселеву в связи с назначением последнего начальником штаба Второй армии: «Дай Бог после и мне быть *чиновнее тебя, т.е. полезнее для России*, ибо первое у меня ценится последним» (*Ланда С.С.* Дух революционных преобразований... 1816—1825. — М., 1975. — С. 158); М.А. Корф, получив повышение по службе, сообщал своему лицейскому товарищу в 1835 г.: «Делать добро частное в этой должности менее случая, нежели в моей прежней, но поприще *добра общественного* обширно и необъятно» (ГА РФ. — Ф. 728. — Оп. 1. — Д. 1624. — Л. 20). О Корфе см. прим. 19 к наст. работе.
 - (16) П.А. Вяземский отмечал, что многие его сверстники «были либералами той политической школы, которая возникла во Франции с падением Наполеона» (*Вяземский П.А.* Старая записная книжка. — М., 2003. — С. 949).
 - (17) *Парсамов В.С.* Декабризм и французский либерализм. — М., 2001. — С. 25.
 - (18) См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. — М.-Л., 1946. — Т. 1. — С. 234; *Шебунин А.Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. — Л., 1925.
 - (19) См.: *Минаева Н.В.* Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина // История СССР. — 1982. — № 5.
 - (20) *Рудницкая Е.Л.* Поиск пути: русская мысль после 14 декабря 1825 года. — М., 1999. — С. 96.
 - (21) *Уортман Р.* Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. — М., 2004. — С. 63.
 - (22) Дашков Д.В. — товарищ министра внутренних дел (1826—1829), министр юстиции (1829—1839), главноуправляющий Вторым отделением СЕИВК (1839). Уваров С.С. — товарищ министра (1832), затем министр народного просвещения (1833—1849).
 - (23) М.А. Корф в разгар реформаторского процесса 1860-х гг. возглавил Второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕИВК) и принял в этом процессе деятельное участие: так, благодаря его вмешательству была расширена сфера деятельности и самостоятельность земских учреждений, преодолен сословный подход

при выборах в них. С прогрессивных позиций он выступил и в ходе работы над университетским уставом и уставом книгопечатания. В 1849—1861 гг. — директор Императорской Публичной библиотеки.

- (24) *Басаргин Н.В.* Записки // *Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. — Иркутск, 1988. — С. 53—54.
- (25) Перовский Л.А. — министр внутренних дел (1841—1852), министр уделов (1852—1856). Д.Г. Бибииков — министр внутренних дел (1852—1855), с его именем связывают введение инвентарей в Западном крае, что стало одной из основных мер правительства Николая I, предпринятых для решения крестьянского вопроса. Воронцов М.С. — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1823—1844), главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказа (1844—1854), с оставлением и прежней должности.
- (26) Эти попытки находили свое выражение в бурных дебатах на заседаниях Государственного совета и многочисленных секретных комитетов, а также в подаче записок на высочайшее имя с изложением «особых мнений».
- (27) Выражение М.А. Корфа. Похоже выразился П.А. Вяземский в одном из писем.
- (28) Хочется отметить, что даже «такие крупные фигуры либерального лагеря, как Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин, вообще были противниками конституционных планов» (*Сладкевич Н.Г.* Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50 — начала 60-х годов XIX века. — Л., 1979. — С. 121). То же можно сказать и о других, например, о «красном» Н.А. Милютине.
- (19) См.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. — 1989. — № 10. — С. 3—24.

THE «ENLIGHTENED BUREAUCRATS» — A NEW KIND OF RUSSIAN CIVIL SERVANT: AN ATTEMPT OF CHARACTERIZATION

I.V. Ruzhitskaya

History of Russia in the 19th Century Center
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

The article provides a comprehensive characterization of cadres, which became authors and conductors of the Great Reforms of the 1860s. The author emphasizes that modernization of the country would have been impossible without the enlightened liberal bureaucrats, among which is M.M. Speranskiy, E.F. Konkrin, P.D. Kiselev, D.N. Bludov and others. World view of the generation of rational bureaucrats was formed under the influence of ideology of the french Enlightenment, teachings of the french liberals during the Restoration period, the russian literature. Ruzhitskaya has highlighted distinguishing features of the new civil servants who promoted reforms on condition of their approval by the autocracy.